

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Война и Революция

К 1913 году Европа была самой богатой, наиболее урбанизированной и индустриально развитой частью планеты. Каждый 4-й житель Земли проживал на континенте. Занимая территорию в 2,5 миллиона квадратных километров, 8 европейских государств (Великобритания, Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды, Италия, Португалия и Испания) контролировали территорию в 55 миллионов квадратных километров, т. е. более трети всей поверхности Земного шара (с Россией и США как частями «Большой Европы» получалось почти 60 %).

Пятью годами спустя, сохранив все внешние атрибуты власти (население, экономика, колонии и т. д.), Европа оказалась надломленной изнутри. Безусловно, мало кто осмеливался в открытую пророчить скорый конец европейского империализма, но уже совершенно новый дух, далекий от самодовольства «прекрасной эпохи» витал над континентом. Одной из конкретных манифестаций этого нового духа стало появившееся на его восточных окраинах квазифедеративное государство советских национальных республик – СССР. Последний усматривал цель своего существования если не в организации всемирной революции, то в оформлении альтернативного западу порядка.

Причина такой резкой перемены в глобальном положении Европы заключается в Первой мировой войне – конфликте, в котором европейцы направили всю мощь своего индустриального, технического и демографического потенциала на взаимное уничтожение. Именно об этой войне, прозванной современниками Великой, и о Революции, не совсем верно именуемой Русской, и пойдет речь в этой лекции.

О причинах войны говорить тем сложнее, что в ретроспективном анализе они едва ли не кажутся абсурдными, или, по крайней мере, совершенно не сопоставимыми ни с ее ходом, ни с ее последствиями. Конечно, как и ранее в Европейской истории, между европейскими странами – большими империями и национальными государствами – зрели подогреваемые мечтой о гегемонии конфликты. Эти конфликты, не выходя полностью на поверхность, находили свое отражение в многочисленных кризисах: нескольких Афганских между Россией и Англией в 1880-х и 90-х годах, Фашодском в Судане между Англией и Францией в 1898 г., двух Марокканских между Францией и Германией (в 1905-06 и в 1911 годах), Боснийском между Россией и Австро-Венгрией в 1908 г. Каждый из этих кризисов удавалось решить дипломатическими мерами, без применения силы, хотя и с ритуальным бряцаньем оружия. Редко, когда решения приводили к обоюдному удовлетворению. Чаще всего, один из его участников (а иногда и оба) чувствовал себя обделенной и униженной стороной, державой со скомпрометированным статусом. Неудивительно, что с наступившей после кризисов временной деэскалацией, решимость «никогда не дать этому повториться» только усиливалась. И поэтому с каждым разом, не желая войны, главные участники мировой политики делали шаг в ее сторону – в надежде «припугнуть» противника, заставив его сойти с ведущей к столкновению траектории.

Разногласия, в той или иной степени осложнявшие отношения между всеми европейскими державами, к 1914 году кристаллизовались в виде двух блоков – Тройственного союза, состоявшего из Германии, Австро-Венгрии и Италии, и Антанты (от фр. entente – согласие), в которую входили Англия, Франция и Российская империя. Далеко не все договоренности обязывали стороны к каким-то далеко идущим действиям, но все они фигурировали в планах грядущей войны. К ней государства готовились долго и тщательно, из года в год выделяя все большие средства на военные нужды, наращивая армии, и вымеряя, вплоть до дней, предполагаемый ход мобилизации и длительность боевых действий. Стратегические приготовления, расписание и направление движений войсковых формирований, полевые учения с вовлечением полков и дивизий, проводимые в качестве репетиций будущих боев – все это ограничивало свободу действия правительств и штабов, превращая их в фактических заложников собственных планов. Приостановить запущенный в действие маховик военной машины становилось со временем только труднее.

К внешнеполитическим причинам добавлялись и факторы, связанные с внутренней ситуацией каждой из великих держав. Конфликты, как производная массовой политики, грозились разорвать социальные связи, держащие группы в состоянии видимого единения. Францию сотрясали организованные анархосиндикалистскими профсоюзами забастовки; в Германии в 1912 социал-демократы, воспринимаемые кайзером Вильгельмом II никак иначе как «антигосударственные элементы», получили наибольшее число голосов и не намеревались

останавливаться на достигнутом; Россия жила ожиданием новой революции; в Австро-Венгрии набирали силу требующие автономии национальные движения; даже в относительно благополучной Англии, усилившая свое присутствие в Парламенте лейбористская партия ставила под вопрос традиционную систему государственного невмешательства в дела большого бизнеса. В этих условиях, многие представители правящих элит усматривали бесспорную пользу в войне, как в средстве, способствующем мобилизации общества вне зависимости от классовых разногласий и национальных устремлений.

Двумя выстрелами, ранившими смертельно 28 июня 1914 года наследника австрийского престола Франца Фердинанда и его супругу Софию, был приведен в действие механизм, превративший локальное противостояние на Балканах в общеевропейскую войну. Австро-Венгрия, не получив удовлетворительного для себя ответа на предъявленный Сербию ультиматум, объявила 28 июля ей войну. Это спровоцировало реакцию России, объявившей мобилизацию, что, в свою очередь, привело 1 августа к объявлению Германией войны России. Готовая к ведению боевых действий на два фронта, Германия 3 августа объявила войну Франции и вторглась, в соответствии с планом, в Бельгию, гарантом нейтралитета которой с момента основания Бельгии выступала Англия. Ответом стало объявление ею войны Германии 4 августа: «за клочок бумаги!» сетовал канцлер Теобальд Бетман-Гольвиг. Вместе с Европейскими державами, в войну оказались вовлечены все их колонии и доминионы, что сразу придало ей характер мировой.

Боевые действия развернулись на трех континентах и трех океанах. Центральными являлись Западный и Восточные фронты в Европе. И тот и другой отличались битвами, небывалыми как по количеству задействованных сил, так и по общему числу потерь. Стабилизировавшись уже к концу 1914 года, Западный фронт на протяжении трех лет стал свидетелем разрушительных и одновременно малоперспективных попыток выйти из тактического тупика. Восточный фронт отличался большей мобильностью, хотя вплоть до октябрьской революции ни одной из сторон не удавалось добиться решающего перевеса. Масштабные операции проводились на Ближнем Востоке, где сражающейся на стороне Германии Османской Империи пришлось столкнуться с Россией на Кавказе, колониальными Британскими войсками и арабскими повстанцами в Ираке и Палестине и высаженным на Галлипольском полуострове десантом, состоящим в основном из англичан, французов, австралийцев и новозеландцев. Присоединившись к Антанте Япония открыла боевые действия против немцев с целью захвата колоний в Китае и Океании. Со схожей целью – правда, с куда большими для себя потерями – действовали в Африке контингенты британских, французских и бельгийских войск.

Бушевала война и на море. Англичане ставили перед собой цель создания плотной блокады вокруг Германии и ее союзников; немцы, соответственно, пытались эту блокаду прорвать и, одновременно, союзную торговлю с нейтральными государствами. По иронии, Германский надводный военный флот, ставший одной из причин роста английского беспокойства до войны, во время войны применялся весьма ограниченно. Германия уповала не на дредноуты с крейсерами, а на свои подлодки, что покидали гавани с задачей подорвать экономику и пошатнуть у населения желание продолжать войну. В начале 1917 года Германия объявила о начале неограниченной подводной войны, что очень скоро привело связанные торговыми отношениями с Англией США к официальному присоединению к Антанте. Огромный экономический потенциал Америки сильно осложнял положение Германии, однако еще целый год понадобиться для того чтобы как свежие американские войска потоками устремились на европейский континент.

Война, потреблявшая огромные ресурсы – людские и материальные – стала революционной силой, трансформировавшей втянутые в нее государства и общества. Не одна из стран не располагала финансовыми средствами для ее ведения; нехватку денег правительствам пришлось покрывать за счет продажи облигаций населению. Займы, распределив финансовое бремя на все население, сопровождались резкой девальвацией национальных валют. Производство средств ведения войны требовало централизации экономики; правительствами воюющих сторон организовывались комитеты из промышленников и государственных чиновников, чья задача заключалась в переводе индустрии на военные рельсы. Похожие, состоящие из бюрократов и владельцев основных СМИ, координационные советы создавались,

чтобы контролировать информацию и не давать голоса пацифистам и критикам войны. В ряде стран, действие законов, защищающих гражданские права населения, были приостановлены; общины, заподозренные в симпатиях к противнику, подвергались самым жестоким гонениям. В частности, более 1,5 миллиона евреев, проживавших в пограничных губерниях Российской империи были насильно выселены во внутрь государства, усугубив и без того серьезнейший продовольственный кризис, вызванный наплывом беженцев. Наиболее трагичная судьба выпала на долю анатолийских армян, сотни тысяч из которых погибли в «маршах смерти» в Сирийские пустыни от голода, усталости и систематических кровавых нападений турецких солдат и курдских ополченцев. Как и в многократно возросшем производстве, так и в беспрецедентной степени насилия по отношению к мирным жителям, государство открывало новые возможности по контролю, использованию и формированию общества.

Тотальная мобилизация, проводимая внедрившимся во все сферы жизни государством, и стала лицом новой – тотальной – войны.

Война была мировой не только из-за географической разбросанности ее фронтов; по сути, в своем квази-апокалиптическом облике, она являлась борьбой за право определения судьбы всего мира – его будущего и даже его прошлого. Мировой – под таким ракурсом – должна была стать и произросшая из войны Революция в Российской империи. Поражения на фронтах, общая усталость, кризис снабжения и ширящаяся эрозия власти стали фоном для гражданских демонстраций и военных выступлений в феврале-марте 1917 года. Принятое с энтузиазмом свержение монархии оказалось лишь прелюдией к дальнейшей эскалации. Огромное государство, сменившее смиренную рубашку самодержавия на свободные одеяния республики, вдруг заговорило – но на разных, не переводимых, языках. Либералы, создавшие буржуазное умеренное Временное правительство, не сумели предотвратить возникновения параллельных центров власти – в первую очередь, городских советов, армейских комитетов, национальных ассамблей и т. д. Как оказалось, ни один из этих органов не мог претендовать на легитимность, которой когда-то располагала монархия. Они могли, тем не менее, открыто предлагать свое видение революции и пост-революционного порядка, привлекая новых сторонников и готовя их к будущим баталиям.

Среди всех этих организаций партия большевиков выделялась своей решительностью и радикальностью. Ведомая теоретиком партийной борьбы Владимиром Лениным, эта фракция Российских социал-демократов делала упор на предоставление максимальных и немедленных уступок наиболее революционизированным сегментам общества: крестьянам, давно приступившим к погромам усадеб и дележу собственности они обещали землю, изголодавшимся рабочим – хлеба, солдатам, массово покидающим фронты с оружием в руках – мира, народностям, пусть и не до конца осознавшим факт своего освобождения – самоопределение вплоть до отделения. Являясь призывом к окончательной деконструкции власти, их программа полностью вписывалась в основной вектор революции на тот момент. Это стало залогом роста партии. Все большее количество советов попадало под влияние большевиков, все большее количество армейских соединений большевизировалось. Ободренное таким развитием, партийное руководство организовало в конце октября 17 года переворот, приведший к окончательному падению Временного правительства и к захвату остатков власти большевиками.

Действуя в соответствии со своими обещаниями и убеждениями, большевики в одностороннем порядке вывели Россию из войны, передав Германии, Австро-Венгрии и Османской Империи право на установление своего порядка в Прибалтике, Польше, части Белоруссии, Украине и Закавказье. Унизительный Брест-Литовский договор с Германией и ее союзниками – «Центральными державами» – ускорил как процесс территориальной дезинтеграции империи, так и консолидации антибольшевистских сил. Начавшаяся Гражданская война приняла форму «войны всех против всех»: организованных анархистами и эсерами крестьян, либеральных сторонников разогнанного большевиками Учредительного собрания, поборников единой и неделимой России, националистов с уклоном влево, многочисленных полевых командиров без определенного политического окраса, матросов, оставшихся без флота, рабочих, оставшихся с прекратившими выпускать свою продукцию фабриками. Победителями из нее могли выйти лишь силы с наиболее действенным планом по восстановлению власти.

Такой силой, парадоксальным образом, оказались все те же большевики, еще недавно давшие свое политическое благословение разрушающим власть процессам. За время войны, партия эволюционировала, можно сказать даже – превратилась в свою противоположность. Не национальное освобождение, а централизация; не земля, переданная крестьянам, а коллективизация; в конце концов, не советская демократия – а партийное единовластие: таковы были новые принципы победившей в войне партии. Они, а не ранние обещания, и легли в основу государства, созданного большевиками в 1922 году на месте Российской империи – Союза Советских Социалистических Республик.

Смысл революции и начатого ею социального, политического и экономического эксперимента был совершенно не ясным. Итоги же войны, приведшей к революции, уже оформились. Весной 1918 года, выбив Россию из войны, Германия пошла ва-банк, бросив все свои силы против союзников на Западном фронте. Риск не оправдался, и уже с августа 1918 года фронт откатился на восток, в сторону немецкой границы. По мере отступления из войны один за другим выходили союзники Германии: сначала Болгария, затем Османская империя, наконец, в начале ноября о перемирии стало просить правительство уже несуществующей Австро-Венгрии. Осенью стачки рабочих и выступления военных в Германии переросли в революцию, заставившую кайзера Вильгельма II искать убежища в Нидерландах. Германия, оказавшись без монарха, запросила перемирия, подписанного 11 ноября в Компьенском лесу.

За перемирием, оформившим поражение, пусть и не тотальное, Германии, последовали долгие дискуссии, касающиеся послевоенного устройства. Переговорами их назвать сложно, так как ни одна из побежденных сторон к обсуждению привлечена не была. Их результат оформил распад трех империй. Османская империя была разделена на колониальные мандаты, переданные Франции и Англии; к Австро-Венгрии и России был применен – непоследовательно и ограничено – принцип национального самоопределения, санкционировавший появление Польши, Югославии, Чехословакии, трех прибалтийских государств и Финляндии, а также усиление Румынии за счет урезанной Венгрии. Австрийским немцам, заявлявшим о своем желании быть в Германии, был указан один путь – к созданию Австрии.

В отношении к Германии, ослабленной, но не сломленной войной, державы-победительницы применили меры, которые должны были помешать ее скорому восстановлению. Помимо утраты всех колоний, и ряда территорий в самой Европе, Германия, как сторона, объявленная «виновной» в войне, была вынуждена выплачивать огромные репарации за причиненный войной ущерб. Ее армия сокращалась до 100 тысяч человек; помимо этого, стране было запрещено производить современное вооружение – танки, корабли определенных типов, химическое оружие и т. д.

Какую оценку следует дать мирным договорам, подписанным в разных пригородах Парижа в 1919–1920 гг., и заложившим фундамент «Версальской системы»? Принцип самоопределения, обоснованный и даже в чем-то похвальный, применялся к этнически неоднородным регионам. Государства, появившиеся на карте, лишь по названию были «национальными»; по сути же, в каждом из них проживали значительные по размеру этнические меньшинства. Так, не-поляков в Польше было более трети, не-чехословаков – почти половина, не-румын в Румынии порядка 30 %; каждый третий венгр проживал за пределами Венгрии; многие жители Австрии ощущали себя отрезанными от своего немецкого Heimat. Принимая желаемое за действительное – а именно, воспринимая Восточную и Центральную Европу как естественное продолжение давно поделенной на национальные государства Западной Европы, дипломаты Антанты подложили под континент часовую бомбу, готовую разорваться в любой момент.

Еще более пагубными в перспективе могли стать последствия германской и русской политики создателей Версальской системы. Экономическому восстановлению Германии союзники предпочли Германию, обремененную долгами и разными ограничениями на индустриальное производство. Такое состояние тормозило восстановление всего континента, а не одной Германии. Территориальные потери и унижительные для суверенного государства условия, касающиеся вооруженных сил, не могли не озлобить население и не создать, таким образом, почву для всевозможных «жертвенных» нарративов.

Полное пренебрежение стратегическими интересами России, объявленная затем СССР изоляция – санитарный кордон, организованный вокруг страны, как вокруг прокаженного

– не способствовали интеграции страны в международную систему. В результате и СССР и Германия, получив статус государств-парий, не могли не желать радикального пересмотра основных условий послевоенного урегулирования. Неудивительно, что их внешняя политика была нацелена на эксплуатацию уязвимых мест в гарантированным Антантой мировом порядке – а именно, уже упомянутых этнических противоречий в Европе и возрастающего антиколониального движения за ее пределами.

Война унесла от 10 до 15 миллионов жизней. Еще до ее окончания Европу и мир захлестнула страшная пандемия гриппа, прозванного по ошибке «испанкой». За год ее жертвами стали 40 миллионов человек – все те же жертвы недоедания, усталости, ослабленного иммунитета. Такая двух-актовая катастрофа должна была отвратить людей от войны, заставить их отказаться от использования ее «в качестве инструмента международной политики». Этим идеалом руководствовался Вудро Вильсон, президент США и ключевой участник Парижской конференции, предложивший основать «Лигу наций» для дипломатического урегулирования международных споров.

Однако, ни память о страшных утратах, ни идеалистичные мечты президента не смогли сгладить противоречий в системе, обещавшей мира на основе асимметрии власти.